

**Первичная типология
субъектов гражданского общества.
Человек
как индивид, субъект и личность.**

Профессор д-р Владимир Батулин©,

Караганда, КарГУ им. Е. А. Букетова, Республика Казахстан;

Профессор д-р Владимир Оноприенко,

действительный член Ноосферной Общественной академии наук, Россия.

Primary Type civil society actors.

Human as an individual subject and personality.

Prof. Dr. Vladimir Baturin ©,

Karaganda, the University them. EA Buketov, the Republic of Kazakhstan;

Prof. Dr. Vladimir Onoprienko,

Noospheric a member of the Public Academy of Sciences, Russia.

Индивид, субъект, личность – это не только этапы последовательности становления в каждом человеке его универсальной природы. Одновременно это проявление логики гармонического типа связи различных уровней этих его сущностных качеств. Личность – это человек, саморазвивающийся по законам Универсума и тем самым всем своим существом способствующий Миросозиданию, исправляя недостатки и несовершенство наличного бытия, как правило, даже во вред своему собственному индивидуальному существованию. Логика прогресса истории такова, что будущее за человеком, способным в процессе саморазвития совершенствовать свою универсальную природу.

Философская антропология, пытающаяся постичь природу универсальности человека, отличается разнообразием мировоззренческих истоков, альтернативностью концепций и поливариантностью направлений предпринимае-

мых теоретических изысканий. Однако и сегодня человечество вряд ли особо преуспело в решении той проблемы, с которой, по определению одного из родоначальников, М. Шелера, и начиналось это направление в философии. «В нашу эпоху, – писал он, – впервые в почти десяти тысячилетней истории человек в полной мере стал для себя «проблемой»: он уже не знает, что он есть и вместе с тем знает, что он этого не знает»¹. Но если раньше эта проблема представляла определенный интерес лишь для узкого круга ученых, то сегодня на комплексное ее решение существует определенный социальный заказ. И требования объективности, целостности и полноты теоретических представлений диктуются даже не столько характером и логикой развития различных отраслей самой науки о человеке, сколько запросами социальной практики.

Анализ существующей литературы в контексте интересующей нас проблемы позволяет условно **выделить три** основных направления, явно сложившихся в определении сущности человека. **В первом из них**, объективистском, человек представлен как продукт исторического развития, как элемент социальной системы, где он описывается лишь с учетом его места в ней. При этом исходной предметной реальностью являются не отдельные люди, а вся система человечества. Отдельный человек выступает лишь **как средство функционирования этой системы**.

Так, Гегель, интроспективно объясняя тождество субъекта и объекта в мировом духе, наиболее полно выразил подобное представление о человеке и его предназначении в истории. По его мнению, человек принимает участие в истории, но лишь формально. Он выступает в качестве средства самореализации абсолютного духа. **Получается, что подлинная история творится как бы «за спиной» конкретного человека**.

Исходной предметной реальностью **второго, субъективистского направления** выступает отдельный человек, несущий в себе все специфические свойства «человеческого». Общество же оказывается не чем иным, как множеством людей, вступающих во взаимодействие друг с другом. И тогда законы их истории – это та или иная суперпозиция законов их индивидуальной жизнедеятель-

ности. Отдельные сторонники данного направления даже убеждены в том, что человек способен раскрыть тайну собственного бытия путем предельной обособленности как от других, так и от мира в целом.

Успехи ряда наук, особенно связанные с изучением биологической природы человека, послужили основой формирования третьего, натуралистского направления. Его сторонники больше внимания уделяют биологическим субстратам человека, чем исследованию их связи с его социальным бытием. Не отрицая подобной взаимосвязи, например, между его психикой и социальной средой, они, тем не менее, больше постулируют необходимость существования последней, чем дают объяснение ее природы.

Характерной особенностью для всех этих направлений является то, что, применяя одни и те же понятия, в них подразумевается различный смысл. В первую очередь это относится такими понятиями как индивид, субъект и личность. А без устранения этого недостатка невозможно понимание поистине универсальной природы человека.

Однако, эта универсальность изначально присуща человеку лишь потенциально. Ее актуализация связана с многоуровневостью и многомерностью становления человека как родового существа. В этой связи трудно не согласиться с мнением Гегеля о том, что «с абстрактного возникновения непосредственной единичности, с рождения индивидуума» начинается для каждого человека его существование в исходной помещенности в окружающую среду². Вся же последующая его жизнь и является демонстрацией этой его универсальной природы.

Логично предположить, что начальный этап жизни человека и животного во многом схожи. Это в первую очередь обусловлено врожденным характером тех потребностей, которые и обеспечивают его целостность и самосохранение. Однако любое животное, как представитель определенного вида, на генетическом уровне к тому же еще и оснащено целым арсеналом приемов и способов по их снятию. Поэтому у него весь цикл жизнеобеспечения, начиная с возникновения потребностного состояния и заканчивая выходом из него, в основном,

заранее запрограммирован. По этой программе проявление условия (предшествующего) имплицитно подразумевает ответную реакцию (последующее).

Индивид же, биологическая природа которого тоже функционирует в подобном цикловом режиме, данного вида наследия не имеет. Поэтому в цикле между потребностным и беспотребностным состояниями образуется своеобразный «разрыв», который ему предстоит научиться преодолевать самостоятельно.

Конечно, о самостоятельности здесь можно говорить лишь с определенной долей условности. Ведь, рождаясь, каждый находит вокруг себя естественно-искусственный мир очеловеченной природы и искусственно-естественный мир общественных отношений, т.е. мир человеческой культуры. Но этот мир может так и остаться для человека неведомым, если он не сможет отыскать каналы и приобщиться к тому образу жизни, который ведет существующее вокруг него окружение. Однако помощь окружения может оказаться действенной постольку, поскольку, в первую очередь, сам индивид *хочет, может* и *оказывается способным* справиться с этой, жизненно важной для него проблемой.

Таким образом, основная задача этого, индивидуального уровня существования человека состоит в том, чтобы обеспечить свою целостность и самосохранение в качестве «непосредственной единичности» того типа видового сообщества, в котором он появился на свет. При этом эффективность ее решения во многом зависит от его персональных усилий и активности по приобретению соответствующих способностей, чтобы, с одной стороны, обеспечить свое вхождение в любой вид окружающего его социального сообщества (семью, коллектив, класс, государство и т.д.). А с другой, уже фактом своего наличного бытия, как их полноправный член, обеспечить целостность и непрерывность существования этих социальных образований. Но это уже специфика другого, **субъектного уровня** проявления человеческой сущности.

Следует отметить, что выявлению сущности человека как субъекта много внимания уделено в связи с его теоретико-познавательной и предметно-преобразовательной деятельностью. Именно в этих сферах наиболее зримо

представлено в человеке единство двух начал: субстанциального и субъектно-го.

Как субстанция, он в этих учениях в своей универсальности паритетен противостоящим ему объектам, в качестве которых выступают различные стороны, срезы или фрагменты окружающей его реальности. А как субъект, он даже превосходит объекты тем, что может познать и преобразовать их в своих целях.

Вместе с тем, если предметному характеру деятельности как одному из атрибутов субъектности человека в философской литературе и уделяется значительное внимание, то специфика вне предметного в сущности субъекта представлена не так широко. И это несмотря на то, что «с максимальной полнотой диалектика субстанциальности и субъектности осуществляется, - как отмечает А.А. Хамидов,- именно внутри между-субъектности и благодаря ей. Действительные, подлинные субъект-субъектные связи, отношения общения не только не отгораживают субъекта от мира, но соединяют его с ним»³.

Прежде всего, каждый свою жизнедеятельность как субъект, в подлинном смысле этого слова, сможет наладить лишь тогда, когда сумеет установить взаимосвязь и выйти на тот уровень социальности, который существует в окружающем его сообществе. В силу этого, с распредмечивания и опредмечивания не только вещно-предметного мира, но и отношений, существующих внутри этого сообщества, начинается для индивида процесс становления его как субъекта. «Свое «иное бытие»,– пишет О.С. Анисимов,– человек обнаруживает в отношениях с другими людьми, так как они сначала ставят ограничения, исходя из своего же самобытия, затем – от имени культурных предметов и, наконец, от имени социальных и культурных целостностей»⁴.

Качественное различие и набор этих ограничений объективно детерминированы многомерностью и многоуровневостью самой реальности. Поэтому поэтапность их преодоления для человека означает определенную последовательность освоения им различных социокультурных пространств, из которых и складывается все его наличное окружение. Каждое из этих пространств суще-

ствуется по своим законам. Процесс их освоения оборачивается для человека вхождением каждый раз в новый для него мир и одновременно снятием их противостояния как внешних, изолированных друг от друга данностей.

Индивидуальная жизнедеятельность автономна по своей природе и осуществляется в рамках своего собственного целеполагания. Поэтому эффективность освоения им всего наличного социокультурного окружения определяется мерой адекватности совмещения собственной жизнедеятельности с разнородным бытием этих пространств. А оно достигается за счет комплексного усвоения, присвоения и применения тех социокультурных традиций, норм и законов, по которым уже существует все это его окружение.

Если предметность является основой взаимосвязи и взаимодействия индивида с окружающим его вещно-объектным миром природы, то характер отношений в обществе определяют социальные нормы. Они являются продуктом творения людей, функционируют и наследуются только в социальной среде. Природа формирования социальной нормы детерминирована совмещением индивидуальной жизнедеятельности двух и более членов определенного видового сообщества. При этом реализация цикла индивидуальной жизнедеятельности каждого человека осуществляется в условиях, когда его личное желание и волеизъявление переподчинено требованиям достижения коллективных, а значит социально и культурно- значимых целей.

Индивидуальное «не хочу, хочу» сменяется на субъектное «обязан, не обязан». Ведь в проявлении воли следовать или не следовать этому предначертанию осуществляется его проверка на способность быть равным с другими в обладании качествами, являющимися основополагающими для функционирования данного типа сообщества, а значит быть **субъектом**.

«Бытие субъекта: оно в этом действии не только проявляется, – отмечает С.Л. Рубинштейн, – но и формируется; сама сущность его не только реализуется, не только формируется и развивается, но и изменяется (искажается или поднимается на высшую ступень). Расхождение (и схождение) сущности и су-

ществования раскрывается через действие субъекта в виде долженствования, которое реализуется волей человека, поскольку она – общественная воля»⁵.

С одной стороны, воля, как власть над собственным поведением (Выготский), в данном случае обслуживает не себя, а над- индивидуальное, которое по своей сути деперсонифицировано. А с другой, служение всеобщему (деперсонифицированному) оборачивается для индивида качественно новым уровнем реализации его личных интересов.

Таким образом, в субъекте реализуется амбивалентность индивидного и социального, проявляемого в человеке. Другими словами, сущность человека как субъекта состоит в том, чтобы посредством самоорганизации, детерминированной требованиями его социо-культурного окружения, обеспечить сохранение и целостность этого его окружения. При этом личное самосохранение само по себе подчинено сохранению мира окружающей его материальной и духовной культуры. Без этого мира он никто.

Являясь продуктом и сам своим бытием, воспроизводя соответствующее социо-культурное окружение, сущность человека никогда не исчерпывается уровнем наличной социальности и культуры. «Человек, – отмечает Г.С. Батищев, – есть наследник, в котором заключены или дремлют потенции многих и многих типов социальности, целая иерархия культур, в его субъектном мире гнездятся весьма разнообразные типы связей «я–мир», связей противоположной направленности»⁶. И в этом плане субъектный уровень для человека не является пределом.

Мир субъектный – это мир социальности, как мир культуры и межсубъектных отношений, надстроенный над миром природы. И в процессе строительства этого мира, как свидетельствует история, именно субъект-объектная схема была и остается, к сожалению, доминирующей как в отношениях человека к природе, так и в отношениях людей между собой. В первую очередь, это связано с тем, что «человечество... вступило, - как отмечает Г.С. Батищев, - преимущественно на путь низведения окружающей его природы и всего остального космоса вообще – до положения безразличного, аксиологически пустого,

объектно- вещного фона, до вместилища средств и материалов, данных для подчинения и расходования. А это и есть не что иное, как человеческий своецентризм – гео- и антропоцентризм. Именно своецентризм и есть та сила, которая раскалывает формулу субъект-объект-субъект на односторонние абстракты и придает односторонней формуле субъект- объект универсальное значение»⁷.

Универсальность этой формулы поистине уникальна. С одной стороны, благодаря ей, в обществе в большинстве случаев удавалось и до сих пор удается этот своецентризм, вбирающий и концентрирующий в себе интересы, как правило, социального меньшинства, навязывать всему окружающему сообществу.

А, с другой, уже от имени всего сообщества воспроизводить таких «субъектов», которые обеспечивали бы продление господства именно данного вида корпоративного интереса. И делалось это опять-таки при помощи все той же субъект-объектной схемы, позволившей данному интересу стать доминирующим в обществе. Теперь именно она, эта схема, воспроизводилась, тиражировалась и насаждалась самим социумом, во-первых, как в отношениях его самого к своим членам, так и, во-вторых, непосредственно во взаимоотношениях членов данного социального образования между собой.

Превращению индивида в субъекта, соответствующего именно данному типу социального сообщества и осуществляющего свою жизнедеятельность по данной схеме, способствовало с момента рождения все: система воспитания, образования, общественные, политические организации, государство в целом. Все вместе они были и остаются той мощной пресс-формой, благодаря которой «подобное воспроизводит подобное».

Но субъектами не рождаются. Ими становятся в процессе жизнедеятельности. Этот процесс становления не может не вступать в противоречие с требованиями той социальной пресс-формы, которая всякий раз пытается судьбу каждого человека определять на свой манер, иногда даже вопреки его собственной природе. Подобное **противостояние человека** (как субъекта) **социу-**

му, пытающемуся свети его универсальную природу всего лишь к различным вариантам «человеческого своецентризма», способствует **его выходу на более высокий – личностный уровень развития.**

Здесь необходимо отметить, что очень часто, **когда говорят о человеке как о личности, то имеют в виду всего лишь ту или иную форму его проявления как субъекта.** Это касается, прежде всего, качества выполнения им тех ролей и функций, которые хотел бы в каждом своем члене видеть именно данный тип социальности. Эта ролевая функция осталась и по-прежнему доминирует в тех смыслах, когда говорят и пишут о межличностном общении, о влиянии трудового коллектива на формирование личности, когда даже пытались сформировать и претворить в жизнь идеалы социалистического или коммунистического типа личности и т.д..

Поскольку и на сегодня история общества есть не что иное как демонстрация различных вариантов «человеческого своецентризма», пытающегося подчинить себе природу и социальную действительность вообще, то теоретические представления о личности в большинстве своем отвечают тем идеалам, с которыми данный тип социальности связывает свое будущее. Но поскольку в будущем он не собирается менять своей сути, то **в понимании личности речь не идет дальше тех субъектных качеств,** которые хотелось бы ему видеть в своих членах.

Однако человек, уже как субъект, наследует и развивает дальше свою универсальную природу. И тогда в этом своем качестве он оказывается способным подняться над ограниченностью окружающей его социо-культурной среды. **Осознание человеком своей универсальной природы и несоответствия ей существующих социальных формообразований является той основой, которая позволяет ему стать личностью.**

Личностный уровень человеку природно не задается и не гарантируется. В этом нет особой трагедии. Естественно, определенные задатки к этому могут присутствовать практически у каждого человека, хотя и не всегда в явной форме. **Но становление личности – это для человека всегда процесс качествен-**

но-эволюционный. И преодоление человеком каждого из этих этапов на пути к вершине подобной микро-эволюции всегда сопряжено с коренными качественными изменениями, прежде всего, внутри него самого. Показателем же зрелости субъекта и «выхода» его на личностный уровень является осознание им бесперспективности дальнейшего пребывания всего его социокультурного окружения или его отдельных сфер в застывшем и неизменном состоянии. Тогда в силу своих природных задатков, интеллектуального уровня, наличных способностей и возможностей он пытается эту ситуацию изменить. Но уже не в угоду своим желаниям, как индивид, не в силу требования социальных норм, как субъект, а по законам Универсума, как личность.

Конечно, в каждом конкретном случае процесс формирования личности не может не сказаться на ее взаимоотношениях с окружением. Самый безобидный вариант – быть просто не понимаемым своими современниками. Это, пожалуй, удел всех великих людей. Отсюда традиционное отношение общества к ним как к людям «не от мира сего». Но подобное отношение может оставаться таким только до тех пор, пока их поведение и поступки не начинают идти вразрез с чьим-то персональным, а тем более, коллективно-корпоративным интересом. И тогда уже социум не останавливается ни перед чем, начиная с травли, изоляции и заканчивая даже физическим уничтожением того, кто своим уровнем развития посмел опередить свое время.

Лучшее – враг хорошего. Поэтому гений, как вершина личностной сущности человека, для общества одновременно и зло, и добро. Зло, так как он своей сутью является вестником, а зачастую даже инициатором и непосредственным участником радикальных социальных преобразований. А в обществе, вся история которого связана с господством принципов только одной – субъект-объектной парадигмы социальной самоорганизации, эти изменения оборачиваются благом лишь для его незначительной – элитной части. Всей остальной, «объектоподобной» массе ждать от этих изменений хорошего, как правило, не приходится. Ведь даже построение социализма, призванного, по своей сути,

способствовать становлению нового, гуманистического типа сообщества, на деле обернулось трагедией и тяжким испытанием для многих миллионов людей, рассчитывавших совсем на иной результат.

Но личность – это одновременно и добро, так как без них был бы невозможен, в принципе, общественный прогресс. Ибо человек, как личность, по своему призванию, и здесь трудно не согласиться с А.А. Хамидовым, есть один из участников, один из зодчих Мирозидания. «Он, стало быть, участвует в развитии и совершенствовании Универсума в той именно точке последнего, где никто кроме него этого сделать не способен»⁸. Но до тех пор, пока в обществе будет господствовать «человеческий своецентризм, гео- и антропоцентризм», пока он будет той «силой, которая раскалывает формулу субъект-объект-субъект на односторонние абстракты», истинная личность в обществе обречена на жертвенность.

Таким образом, личность – это человек, **саморазвивающийся** по законам Универсума и тем самым всем своим существом способствующий Мирозиданию, исправляя недостатки и несовершенство наличного бытия, как правило, даже во вред своему собственному индивидуальному существованию.

Индивид, субъект, личность – это не только этапы последовательности становления в каждом человеке поистине его универсальной природы. Одновременно это проявление логики гармонического типа связи различных уровней этих его сущностных качеств. При этом характер проявления этой логики таков, «здесь не существует безраздельного господства логики снятия. Более высокий уровень не снимает собою и внутри себя уровень более низкий, но лишь объективно аксиологически определяет меру его оправданности, его сферу и границы. Снятие здесь, конечно, присутствует, но присутствует оно в гармонии с не-снятием»⁹.

Кроме того, особенностью данного вида логики является и то, что даже временная переориентация человека в своей индивидуальной жизнедеятельности на ценности и закономерности функционирования более низкого уровня его сущностных качеств автоматически ведет к нарушению данного гармонич-

ческого типа связи. В жизни это оборачивается началом процесса его деградации. Вот почему выход человека каждый раз на более высокий уровень в этой его сущностной иерархии – это не только очередная веха в его эволюционном, поступательном движении на пути к саморазвитию и самосовершенству. Одновременно это и добровольное взваливание на себя тяжелейшей ноши ответственности, в первую очередь, за судьбу своего окружения, бремя которой не всякому оказывается по плечу. К тому же само человечество на сегодня находится на таком этапе своего существования, когда оно еще не готово к тому, чтобы большинство его членов развивалось в подобной логике раскрытия своей сущностной природы. Государству, основанном на том или ином виде эгоцентризма, а на сегодня этой участи пока не удалось избежать ни одному из них, проще иметь дело с послушной «объектоподобной» толпой, чем с сообществом неординарных по своему характеру личностей. Ведь универсальная природа последних как раз и заключается в том, чтобы всей сущностью своего существования противостоять несовершенству, в первую очередь, существующих социальных порядков. Но логика прогресса истории такова, что будущее за человеком, способным в процессе саморазвития совершенствовать свою универсальную природу. И если на сегодня появление великих личностей связано, казалось бы, вопреки существующим условиям, то каких успехов может достичь общество, если оно научится не только не мешать, а, наоборот, всячески способствовать этому процессу, перейдя от декларирования на словах к конкретным практическим действиям по созданию гуманистического общества!

Scheler M. Mensch und Geschichte. Kohn, 1957. – S.8.

См. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – С.80.

Хамидов А.А. Категории и культура. - Алма-Ата: Гылым, 1992. – С.32-33.

Анисимов О. С. Методология: функция, сущность, становление (динамика и связь времен). – М.: ЛМА, 1996. – С.86.

Цит.:Абульханова-Славская К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна. // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. – М.: Наука, 1989. – С. 19.

Батищев Г. С. Деятельностный подход в плену субстанциализма.// Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1999. – С. 173.

Батищев Г. С. Диалектика творчества. – М., 1984. Деп. в ИНИОН АН СССР № 18609 от 01.11.1984. – С.61.

Хамидов А. А. Указ. работа. – С. 34.

Хамидов А. А. Указ. работа. – С. 34.

-----/

Журнал «Ноосфера.Общество.Человек»

journal «Noosphere. Society. Man»

<http://noocivil.esrae.ru/>

<http://www.scireg.org/rus/files/fileinfo/458--домен>

<http://www.scireg.org/rus/files/fileinfo/459--сайт>